

Ю.Н. Смирнов

ОСВОЕНИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ К ЮГУ ОТ НИЗОВЬЕВ РЕКИ САМАРЫ В XVIII- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

До последней трети XVIII в. постоянных поселений за р. Самарой еще не было. Население сосредотачивалось под защитой укреплений города и построенных в 1730-е гг. Новозакамской и Самарской линий. Известный ученый и государственный деятель В.Н. Татищев писал в 1738 г. : "И под самым городом Самарою те киргисцы и калмыки людей били и в полон брали, и скот отгоняли, чего ради по Самаре реке уже многие городки поставлены!".

Постоянные поселения на левой стороне Волги ниже г. Самары появляются во второй половине XVIII в. В 1768 г. по соседству с городом образовалась громадная вотчина братьев Орловых. По указу императрицы Екатерины II о передаче графам Орловым казенных и дворцовых владений на Самарской Луке и в ее окрестностях, в их собственность перешли и некоторые угодья в волжско-самарской пойме. В начале 1770-х гг. Орловы переводят часть своих крепостных из старых сел и деревень на правобережье Волги в новые по р.Безенчук (Екатериновка, Владимировка и др.). Примерно в то же время государственные крестьяне из Симбирского и Пензенского уездов основали на р. Моче свои поселения Титовку, Томылово, Горки².

Все названные селения помещичьих и государственных крестьян находились на значительном удалении от р. Самары, хотя и примыкали к окраинным участкам городских сельскохозяйственных угодий, пожалованных самарским жителям. Однако, в течение XVIII в. принадлежавшие городу земли и угодья сократились до той части волжской поймы, что лежит непосредственно к югу от р.Самары. В основном эта территория использовалась под сенокосы и пастбища,

особенно после того, как значительная площадь самарских выгонных земель к северу от города за Студеным оврагом и у Семейкинского леса была захвачена помещиками или занята государственными крестьянами. Перемещение главных городских выгонов с охраняемого правого берега р. Самары на ее незащищенное левобережье подвергало табуны и стада опасностям со стороны кочевников-калмыков, которые не раз угоняли лошадей и скот. Особенно разорительными были их нападения в 1764 и 1766 гг.

В своем выступлении 18 июня 1768 г. в Уложенной комиссии (законосовещательном представительном органе) самарский депутат купец Д.Ф.Рукавин сообщал: "Кочуют волжские некрещеные калмыки от Астрахани вверх по Волге до города Самары и выше, вверх по Самаре реке. Оные имеют кочевые не только по той степи, но и в волжских займищах с довольною при себе всякою скотиною, в тех займищах сенные покосы толочат и вытравливают почти без устаку, от чего градские обыватели ... имеют в постановлении сена ... крайнюю нужду. Оные калмыки не только тем обижают, но и сверх того, в сенокосную пору чинят большие озорничества, увозят в степь мужеск, а паче женск пол, и наругаются всячески, потом, обобрав платье, отпускают обратно; також де по речкам на рыбных ловлях грабят всякую снасть, отымают лошадей, платье и прочую сбрую. При откочевании же на низ, в осеннее время, из табунов и находящихся на луговой стороне с хуторов ночным временем угоят большими косяками лошадей и рогатый скот, а потом в степи за собою зажигают и тем оные воровством своим скрывают шляхи. Самарских же градских жителей, а паче уездных крестьян, приводят в большое разорение; от чего многие остаются без лошадей и рогатого скота и приходят в крайнее разорение".³

В 1771 году подавляющее большинство волжских калмыков ушло из российских пределов. Приволжские степи опустели. Правда, в конце лета - начале осени 1774 г. на левом берегу р. Самары появились отряды киргиз-кайсаков (казахов-Ю.С.), которые грабили, уголяли в плен, убивали русских пастухов, рыболовов, косарей. Однако, все их попытки переправиться на другой берег были отбиты. Усмирение бушевавшего в это время пугачевского восстания и восстановление системы охраны степных границ заставили кочевников отка-

заться от нападений на российские владения по Средней Волге, от попыток там обосноваться. Значительные территории стали более благоприятными для оседлого земледельческого и городского населения.

К XVIII веку восходят некоторые топонимы, связанные с историей освоения левобережной самарской поймы: о.Коровий, о.Сеной, оз. Калмыцкое. К их числу можно отнести встречающиеся здесь топонимы с определением Яицкий. Дело в том, что именно к низовьям р. Самары выходила основная сухопутная дорога, связывавшая яицких (уральских) казаков с Поволжьем и другими российскими землями. "Яицкие казаки в большей части ездят по сей дороге за хлебом и от Самары разделяются в плодородные места вдоль до Кинеля, Сока, Черемшана и Волги", - писал в 1769 г. академик П.С.Паллас. Город и сам во многом жил за счет транзитной торговли хлебом, пригоняемым из степей скотом, привозимой с Яика икрой и рыбой. Степная дорога на Яик была, пожалуй, самым оживленным из всех сухопутных путей, шедших из Самары в XVIII в. Через р.Самару зимой обозы переходили по льду, а весной ежегодно заново наводили после ледохода мост. На дороге в степи ставились "уметы" (зимовья, постоянные дворы), ближайший из которых к городу был назван Дубовым. Со временем близ уметов вырастали новые деревни и села.

В пойме р.Самары, в том числе на левом берегу, жители города занимались выращиванием арбузов и перца. Когда были освоены более южные и благоприятные для этих культур территории, товарное производство этой продукции в окрестностях г.Самары стало невыгодно и сошло на нет. Однако, за жителями города успело закрепиться прозвище, впоследствии приобретшее бранный оттенок - "горчишники", которое произведено от просторечного названия толченого стручкового перца - "горчица".

Сельские поселения в непосредственной близости (10-15 верст) от города за р.Самарой появились в конце XVIII в. Это были деревни Русские Липяги и Стромилово на степных речках Кривуша и Подстепновка, являющихся по сути протоками Самары. Первая из них была населена государственными крестьянами; а вторую поселил помещик Г.И.Стромилов. Обе деревни, видимо, были поставлены на

самовольно занятых землях из числа тех, что были покинуты калмыками. Точных сведений о времени их появления нет. Население деревень было переписано в ходе 5-ой ревизии (1795 г.), а земли были обмежеваны при проведении Генерального межевания (1798 г.). Межевая инструкция 1765 года узаконивала самовольные захваты свободных земель, но с определенными ограничениями. В качестве "излишне присвоенной" у липяговской общины было отрезано в казенное ведомство 3,5 тыс. десятин земли, а из стромиловских владений 0,5 тыс. десятин пашни и покосов. Прежние владельцы земель, изъятых при межевании, могли сохранить ее в своем пользовании на правах аренды. Стромиловским крестьянам в этом, правда, нужды не было, так как в Подстепновке (другое название той же деревни) было тогда всего 2 двора и 19 жителей.⁴

В Русских Липягах жителей было гораздо больше (до 600 чел.), сохранение прежних угодий даже на правах аренды было бы им кстати. На их беду отрезанные земли привлекли внимание могущественного соседа, графа Владимира Григорьевича Орлова, которому по раздёлам со старшими братьями достались владения на Самарской Луке, а также отдельные участки и угодья на левом берегу Волги недалеко от г. Самары. В царствование Павла I (1796-1801) шла широкая раздача казенных земель. Многие приближенные императора, получавшие незаселенные участки степи, продаивали свои пожалования тем, кто был заинтересован в переселении туда своих крестьян. В июне 1799 г. В.Г.Орлову сообщили, что графу Гурьеву "пожаловано в Симбирской губернии 20 тысяч десятин на выбор, можно с ним снестись, не продаст ли оную, а для переселения крестьян Вашего Сиятельства очень нужна". С Гурьевым удалось договорится, причем его попросили добиваться пожалования совершенно конкретных земель, в которых был заинтересован Орлов, "по обе стороны оврагов Теплого Стана и Лопатинских Розсошей и речки Свинухи". На них предполагалось переселить 1,5-2 тыс. крепостных. Считалось, что поскольку "по сей степени пашни самарцев и обывателей нет, и ныне никем не снимается, а пасут на оной скот", то "споров от обывателей быть не может".⁵ Однако, уверения в бесспорности приобретения указанных земель оказались преувеличенными.

Кроме действительно свободной степи, в пожалование Гурьеву включались земли, недавно отрезанные межевщиками у липяговских крестьян, а также у помещика Молостова. Государственные крестьяне стали ломать межевые знаки, затаптывать межу, самовольно захватывать спорную землю. Самым страшным для них оказалось то, что они лишились выхода к водопою на реке. Закон был на стороне Орлова, купившего в феврале 1803 г. эту землю. Жителям Липягов пришлось признать потерю угодий. Более того, они вынуждены были упрашивать графа об обмене участка их лучших пахотных земель на проход для скота к воде.

Формально в этом месте Гурьев, а через него Орлов получили немногим более 9 тыс. десятин. На самом же деле вместе с неудобьями, отдававшимися сверх пожалованной или проданной земли, здесь было 12 тыс. десятин. При "хороших" отношениях с землемерами, которые орловские поверенные умели покупать, в неудобья записывались и некоторые вполне пригодные к сельскохозяйственному использованию угодья. В 1805 г. через того же Гурьева, а также через тайного советника Попова, для округления владения, примыкавшего к городским землям Самары, Орлов прикупил и несколько сот десятин, отчужденных при межевании у Стромилова.

Переселение крестьян на купленные земли началось в 1804 г. В селениях на Самарской Луке было разобрано несколько сот дворов. Их обитателям были назначены под жительство новые места за Волгой, где заранее спланировали размещение улиц и усадеб. Одно селение было названо Воскресенским (или Тёплым Станом по названию здешнего оврага), а в более широком употреблении - Воскресенской. Второе получило имя Преображенского, или Преображенки. 1 октября 1804 г. управляющий извещал Орлова: "В Воскресенское продолжается перевоска дворового леса, на берег свозят с места Рождественская волость, переправляет через Волгу Сосновенская (волость-М.С.) на дощенниках, а с берега до Воскресенского переживают сами переселенцы; дело идет медлительно и работно, ночами".⁶

В течении 1804 г. "сломано, перевезено и поставлено в Воскресенском из Рождественской волости 240 изб, а душ (мужского пола-М.С.) 835, из Кармал 4 избы, душ 15. В Преображенское из Рождественской волости 34 избы, душ 95".⁷

В Воскресенку больше всего переселенцев прибыло из Новинок и Рождествено, а в Преображенку из Шелехмети. Немало было в том и другом селении выходцев из Подгор, Выползова, Торнового. В 1806-1809 гг. население Преображенки увеличилось более чем вдвое за счет переселенцев из Брусян, Валов, Большой и Малой Рязани.

К переселению за Волгу предназначались в первую очередь бедняки, у которых "почти ни один дом лошади не имеет, и пашни не пашут, а отдают землю" за плату соседям. Источником существования для них были, как правило, лесные промыслы: изготовление лопат, окосей, топорищ, осей, полозьев и т.п. Многие уходили "и в город Самару на поденную работу", а зимой нанимались на возку дров. Граф и его вотчинная администрация решили "их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами". На новом месте жительства положение таких людей становилось более трудным. Среди них были "переселенцы, кои навсегда в Самаре под окошками купецких и других домов, стоя, и просят милостины. Да не то, что по городу, но даже и в смежных к Воскресенскому и Преображенскому деревням и от самых работ без ведома старосты Шадрина за милостынями отлучаются".⁸

В 1806 г. управляющий орловской вотчиной А.Сахаров подал прошение местным властям о разрешении построить церковь Воскресения, в приход которой бы вошли Воскресенка и Преображенка. До тех пор оба селения были приписаны к Преображенской церкви в Самаре, до которой надо было добираться около 15 верст. Весной же в ледоход и половодье или осенью во время ледостава крестьяне вообще не могли посещать службу в городском храме, а служители церкви не могли добраться в эти селения для исполнения треб.

Проект церкви для Воскресенки сделал Х.Шмит, служивший в вотчинной конторе графа. Орлов одобрил его проект, но потребовал упростить в целях экономии средств. В частности пришлось отказаться от шестиколонных портиков при северном и южном входе в храм. Строительство велось на деньги графа, который затратил на него с 1806 по 1814 гг. более 20 тыс. рублей. К началу 1815 г. постройка была в следующем состоянии: "При сей церкви нужны 2 креста, осталась живописная работа, не обиты железом фонарики, которые обьются в апреле сего года, а прочая работа вся покончена".⁹ Воскресенка после возведения церкви стала именоваться селом.

В.Г.Орлов умер в 1831 г. По разделу между наследниками село Воскресенское и деревня Преображенская с прилегающими угодьями в волжско-самарской пойме попали в долю дочери графа Екатерины Новосильцевой. В 1845 г. в Воскресенке налицо было 675 мужчин и 671 женщина, в Преображенке - 260 мужчин и 235 женщин. На всех жителей в указанных селениях приходилось соответственно 833 и 370 лошадей, 422 и 201 корова, 132 и 559 овец.¹⁰ Крестьяне находились на барщине, основной доход помещице приносила продажа господского хлеба. В Воскресенском среди крестьянских дворов стоял 4-комнатный господский флигель для управляющего и других служителей хозяйки. При нем имелось господское строение: изба, конюшня, амбар, погреб, 4 хлева, сарай, баня. На господском гумне, огороженном плетнем, имелись караульная изба, 4 линии амбаров (всего на 14 сусеков), два молотильных сараев с конными машинами (молотильной и веяльной), 8 овинов, а также другие постойки и инвентарь.

Е.В.Новосильцева собиралась в 1841 г. отпустить крестьян Воскресенки и Преображенки на волю за выкуп, но намерения своего не осуществила. Она умерла в 1848 г., и имение ее было поделено между племянниками. Воскресенская вотчина при разделе оценивалась так: "Крестьяне... хотя в настоящее время и бедны, но они могут при хорошем управлении скоро поправиться, ибо земли пахотные у них все хорошего качества, удобно и близко расположенные к своим селениям... Весною полая вода доходит к селу Преображенскому, где есть небольшая хлебная засыпь и может быть пристань для грузки хлеба. Лесу вовсе нет, а лугов весьма мало..."¹¹ Воскресенка и Преображенка отошли в долю графа А.Н.Панина, а в связи с его кончиной в 1850 г. были унаследованы дочерьми последнего.

Владельцы Подстепновки не принадлежали к тому высшему свету, в котором вращались Орловы, Новосильцевы, Панины. После смерти первого владельца Григория Ивановича Стромилова, имевшего чин губернского секретаря, деревня отошла его дочери Елене, а затем брату Филиппу Ивановичу. О последнем самарский литератор конца XVIII- начала XIX вв. А.И.Второв писал в дневнике: "Он был холостяк и имел любовницу, с которой прижил дочь Елизавету. Желая предоставить законные права дочери, он женился на ее матери,

но почему-то медил в исполнении своего намерения; между тем жена умерла, а вскоре и сам скончался скоропостижно. Елизавета осталась после отца 9 лет, без всяких прав.. У Стромилова было 20 душ крестьян в Самарском уезде, наличные деньги и векселя." На наследство предъявил претензии еще один из братьев Стромиловых-Алексей. Он выиграл судебное дело у племянницы, хотя той сочувствовало самарское дворянство и сам симбирский губернатор, в семью которого и взяли сироту на воспитание. Второв продолжает: "Все имение Филиппа Стромилова досталось его брату, который менее чем за два года его размотал и пропил. Алексей Стромилов кончил жизнь свою, шляясь по кабакам в грязном рубище и проживая ради Христа у братнина отпущенника." История Елизаветы Стромиловой послужила "двадцать лет спустя сюжетом повести, правда, не напечатанной, но весьма распространенной по Поволжью. Автором повести был некто Шмаков (Алексей Иванович)..."¹²

Сама по себе Подстепновка оставалась маленьkim поселением. Ее иногда называли даже не деревней, а Стромиловым хутором (или хуторами). Через Подстепновку, а затем Воскресенку, в которой имелась почтовая станция, шел тракт Самара - Николаевск. Не доходя Подстепновки, на юго-восток от тракта ответвлялась старинная торговая дорога на Уральск (через Дубовый Умет), а на запад- торговая дорога на Сызрань, оставлявшая немного в стороне по правую руку Русские Липяги. Три эти дороги, сливающиеся вместе перед переправой через р.Самару, как бы приглашали город перекинуть часть своей застройки и на другой берег реки. Предпосылки к этому имелись. В Засамарской стороне давно уже были освоены сельскохозяйственные угодья, стали появляться при большой дороге постоянные дворы для торговцев и возчиков, устраивались временные поселки при салотопленных заводах. К 1850 г. за р.Самарой находилось 7 салотопен. Наиболее крупное заведение принадлежало Плещановым и производило 7 тыс. бочек или 175 тыс. пудов сала в год. При торжественном открытии губернских учреждений в Самаре в 1851 г. именно М. и Д.Плещановы поразили город огромным благотворительным взносом в 6 тыс. рублей в помощь пострадавшим от страшного пожара 1850 года.

Правда, были и препятствия к расширению городской территории на левый берег р.Самары. Не только занятия сельским хозяйством, но и торговлей с промыслами носили здесь сезонный характер. К тому же практически вся эта местность весною заливалась водой. Под водой, например, оказывались места салотопленных заведений, что улучшало санитарное состояние берегов, благодаря смыву накопившихся за сезон работ отходов производства, но отнюдь не стимулировало превращение временных мест обитания в постоянные жилища. Но, несмотря на все сложности, появление городского поселка в Засамарской стороне оставалось только делом времени. Такой поселок (Засамарская слобода) сложился во второй половине века.

Примечания

1. РГАДА. - Ф. 248. - Д. 134. - Л. 1069.
2. РГАДА. - Ф. 16. - Оп. 1. - Д. 931. - Л. 32об.
3. Цит. по: Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин //Самарский краевед - Ч.1. - Самара, 1991. - С.42-43.
4. РГАДА. - Ф.1336. - Оп.1. - Д.1038.
5. ЦГАДА. - Ф.1273. - Оп.1. - Д.535. - Л.60,70 об.; - Л. 85; ГАУО. - Ф. 147. - Оп.6. - Д.8. - Л.9.
6. ГАУО. - Ф.147. - Оп.6. - Д.7. - Л.417
7. Там же. - Оп.7. - Д.26. - Л.29 об.
8. ГАУО. - Ф.147. - Оп.7. - Д.5. - Л.33,65; Д.26. - Л.20,23,28 об.
9. ГАУО. - Ф.147. - Оп.14. - Д. 122. - Л.50.
10. РГАДА. - Ф.1273. - Оп.1. - Д.2910. - Л.38-39.
11. РГАДА. Ф.1274. - Д.1175. - Л.93 об.
12. Русский Вестник. - 1875. - №6. - С.465-468.